

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

METHODOLOGY OF LEGAL RESEARCH

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-274-288>
EDN: DEXDFD

Научная статья / Research Article

Проблемы методологии социально-правовых исследований в области верховенства права

Р.М. Аллалыев

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Российский государственный университет нефти и газа (национальный
исследовательский университет) имени И.М. Губкина, г. Москва, Российская Федерация
[✉allaljev-rm@rudn.ru](mailto:allaljev-rm@rudn.ru)

Аннотация. В условиях глобальной дискуссии о верховенстве права наблюдается методологический кризис эмпирических исследований, связанный с проблемой операционализации понятия, культурной предвзятостью индексов и разрывом между формальными институтами и реальными практиками. Цель работы – проанализировать эволюцию подходов к изучению верховенства права в социологии права, выявить методологические ограничения каждого из трех поколений исследований и определить перспективы синтеза методов. Исследование основано на обзоре ключевых работ в области социально-правовых исследований (Р. Абель, М. Гэлантер, М. Хертог, Н. Чизман, Т. Гинзбург), а также анализе методологий глобальных индексов (WJP, WGI). Применен историко-социологический и сравнительно-правовой анализ. В ходе исследования установлено, что первое поколение исследований («gap studies») выявило системную неэффективность правовых реформ без учета контекста. Второе поколение (индексы) столкнулось с зависимостью от экспертных оценок, эндогенностью данных и риском симуляции реформ. Третье поколение (этнография, правосознание) продемонстрировало культурную обусловленность представлений о праве, но показало сложность обобщения качественных данных. Сделан вывод, что для преодоления методологического тупика необходима интеграция количественных, качественных и теоретических подходов в рамках единой междисциплинарной программы, ориентированной на ограничение произвола в конкретных социополитических контекстах.

Ключевые слова: эмпирические исследования, легитимация, политическая идеология, этнография, критика права

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

© Аллалыев Р.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 12 февраля 2026 г.

Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Алалыев Р.М. Проблемы методологии социально-правовых исследований в области верховенства права // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 2. С. 274–288. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-274-288> EDN: DEXDFD

Methodological Issues in Socio-Legal Research on the Rule of Law

Ruslan M. Allalyev

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
Russian State University of Oil and Gas (National Research University)
named after I.M. Gubkin, *Moscow, Russian Federation*
allalyev-rm@rudn.ru

Abstract. The global debate on the rule of law is undergoing a methodological crisis in empirical research, manifested in problems of operationalization, cultural bias in indices, and a persistent gap between formal institutions and actual practices. This article aims to trace the evolution of approaches to the rule of law in legal sociology, identify the methodological limitations of three successive “generations” of studies, and outline prospects for synthetic methodology. The analysis draws on key works in socio-legal studies (R. Abel, M. Galanter, M. Hertogh, N. Cheesman, T. Ginsburg) and on a critical reading of global index methodologies (World Justice Project, Worldwide Governance Indicators). Methodologically, it employs historical-sociological and comparative-legal approaches. The first generation of empirical research – classic “gap studies” – demonstrated the systemic failure of legal reforms that ignore the social context, revealing the divergence between official legal norms and everyday normative orders. The second generation, centered on quantitative indices, made the rule of law measurable across countries but produced new difficulties, including expert dependence, data endogeneity, and the risk that governments use indicators to simulate reform rather than constrain power. The third generation, associated with ethnography and studies of legal consciousness, demonstrated the cultural embeddedness and plurality of legal meanings, while also exposing the challenges of aggregating and generalizing qualitative findings for comparative assessment. Overcoming the current methodological impasse requires a multi-dimensional research design that integrates quantitative assessment of institutions, qualitative analysis of legal consciousness, and everyday legality, and sustained theoretical reflections on law’s relationship to power. Such an interdisciplinary program should focus not on abstract rankings, but on the concrete ways in which arbitrary power is constrained (or legitimated) within specific socio-political contexts.

Key words: empirical studies, legitimation, political ideology, ethnography, legal criticism

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 12th February 2026

Accepted: 15th April 2026

For citation:

Allalyev, R.M. (2026) Methodological Issues in Socio-Legal Research on the Rule of Law. *RUDN Journal of Law*. 30 (2), 274–288. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-274-288> EDN: DEXDFD

Введение

На протяжении долгого времени идея верховенства права рассматривалась в научном дискурсе преимущественно в рамках философии и общей теории права, оставаясь на периферии социологических изысканий. Такая ситуация была обусловлена тем, что представления о верховенстве права сформировались задолго до того, как в арсенале социальных наук появился необходимый методологический инструментарий для их эмпирической верификации. Если философско-правовая мысль была нацелена на нормативное обоснование и повышение значимости данной идеи в теоретических дискуссиях, то социологический подход фокусируется на анализе её реальной роли и функционала в общественной практике. Более того, реализация данной идеи представляет собой воплощение идеальной конструкции, по своей природе не способной существовать в абсолютно «чистом» виде. Вследствие этого в социологии права дихотомический вопрос о наличии или отсутствии верховенства права является методологически некорректным, так как такого рода исследования ориентированы не на поиск бинарных ответов, а на оценку степени его реализации в конкретном социальном контексте.

Если уже ставшие традиционными подходы к верховенству права рассматривают его как некий «чек-лист», то социологический подход не задается вопросом «что такое верховенство права?», а «правит ли право на самом деле?». Он фокусируется на социальных основаниях права: на том, как право проявляется в повседневной жизни людей, считают ли они его авторитетным и соблюдают ли правовые нормы. В этом случае ключевым становится вопрос методологии, используемой для подобных измерений.

Первое поколение: почему правовые реформы терпят неудачу?

Первое поколение эмпирических исследований было сосредоточено на проблеме «разрыва» (gap) между правом «в книгах» и правом «в действии» (Hertogh, 2024:37). В фокусе внимания «gap studies» находились вопросы соблюдения законодательства и эффективности правовых реформ, в частности в постконфликтных обществах. Изначально количество подобных исследований оставалось ограниченным, что было обусловлено фундаментальной трудностью операционализации понятия «верховенство права», любая трактовка которого носит дискуссионный характер.

Одни из самых ранних работ в этой области (Abel, 1980; Feeley, 1976), использовавшие эмпирические данные для сопоставления «правовых предположений» с «правовой реальностью», основывались на «вере в то, что разрыв (между нормой и её реализацией), будучи выявленным, может и должен быть устранён» (Abel, 1973). Вероятно, одним из лучших примеров такой работы является знаковая статья профессора Висконсинского университета в Мадисоне Марка Гэланта (Galanter, 1974), которая по существу опровергла идею о том, что все люди имеют равный доступ к системе правосудия. В скором времени множество других исследований подтвердили этот вывод, и «доступ к правосудию» даже развился в отдельную область

изучения (Albiston & Sandefur, 2013; Rhode, 2004; Sandefur, 2021). Однако в большинстве подобных исследований связь с проблемой верховенства права оставалась подразумеваемой, и в массе своей они носили узконаправленный характер. В большинстве своём фокус был направлен на изучение процессов либерализации уголовного законодательства или законов о банкротстве корпораций (Halliday & Carruthers, 2007), изменения правительственных структур (Kim, Jang & Hwang, 2002) и трансформации институтов общественной безопасности (Deflem, 2002; Suchman & Eyre, 1992; Eyre & Suchman, 1996; Hironaka, 2009; Swiss, 2011; Shor, 2017; Jepperson, Wendt & Katzenstein, 1996). Тем не менее, отправной точкой для всех исследований была идея о том, что существует некая общая модель верховенства права, которая уже в какой-то части распространилась в одних странах и является «ожидаемыми институциональными трансформациями» в других.

Ученые из Стенфордского университета Эрик Дженсен и Томас Хеллер, возможно, стали первыми, кто представил эмпирическое исследование верховенства права как центральную тему своей монографии (Jensen & Heller, 2003). На протяжении всей книги они критиковали сильный «нормативный» уклон в реформах верховенства права и недостаток эмпирических знаний об эффекте этих программ. В этом тезисе их поддержал ведущий американский эксперт в области изучения демократии и верховенства права Томас Каротерс, выдвинув схожий аргумент, связанный с «проблемой знания». По его мнению, сторонники программ по типу Law & Development часто заявляют, что верховенство права будет способствовать укреплению экономики и что, например, суды играют решающую роль в его продвижении, однако такие «продвиженцы верховенства права на самом деле мало знают о том, как и почему верховенство права возникает или не возникает в конкретных обществах...» (Carothers, 2003:18).

Основным выводом социально-правовых исследований первого поколения была констатация того, что амбициозные юридические реформы часто терпят неудачу, так как не учитывают местный контекст, и после пары десятилетий фокуса на «разрыве» между теорией и практикой верховенства права этот тип исследований перестал приносить сколько-нибудь значимые открытия. Часть социологов пришла к выводу, что помощь стран-доноров была неэффективной в содействии верховенству права. Более того, ряд исследователей обнаружили, что потоки помощи имеют значительную отрицательную связь с различными реформами в сфере верховенства права, то есть помощь контрпродуктивна, а ее эффект пагубен (Rajan & Subramanian, 2007; Knack, 2001; Young & Sheehan, 2014).

По поводу бесперспективности дальнейшего изучения эффективности права в рамках данного подхода красноречиво выразился заслуженный профессор права в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе Ричард Абель. По его мнению, уже во время формулирования гипотезы «мы заранее знаем, что право будет в значительной степени неэффективно»; следовательно, вопрос состоит в том, «как долго мы можем сохранять позу наивного изумления?» (Abel, 1980:827).

Второе поколение: эра индексов и количественных измерений

Второе поколение исследований поставило перед собой задачу рассмотреть верховенство права «в цифрах» (Jakab & Kirchmair, 2024), используя количественные показатели для его измерения (Botero & Ponce, 2011). Такой инновационный подход позволил бы исследователям продемонстрировать не только природу, но и масштаб

«разрыва» между правом «на бумаге» и «в действии». Для создания индекса верховенства права необходимо было принять четкое концептуальное определение, затем операционализировать его, подобрать измеримые индикаторы для каждого компонента определения, а затем классифицировать страны по этим индикаторам. Поэтому производство индикаторов эффективности правовых систем является сложным процессом, часто осуществляемым сетями акторов (ученые, НПО, МФО, частные фирмы).

В 2002 году Генеральный советник Всемирного банка Ко-Юн Тунг пояснил, что ни «человеческое достоинство», ни «рост частного сектора» невозможны без верховенства права¹. Поэтому спустя три года Всемирный банк впервые предложил концепцию «Индекса верховенства права», определив его как показатель готовности общества соблюдать законы и соответственно уровня доверия к правовой системе страны (Wang et al., 2019). Такой акцент на верховенстве права как принципе проектирования правовых институтов привёл к появлению целой индустрии частных и государственных индексов для измерения его качества. Наиболее популярными на сегодняшний день являются индексы Всемирного банка (*Worldwide Governance Indicators*), Всемирного проекта правосудия (*WJP Rule of Law Index*), фонда «Наследие» (*Heritage Foundation*), Freedom House (*Freedom in the World*) и фонда Бертельсмана (*Bertelsmann Transformation Index*)².

Ближе всех к эмпирическим исследованиям в области оценки состояния верховенства права оказались «тонкие» (формальные) концепции верховенства права, в виду того, что представляли собой более четкие требования к объекту исследования, по примеру тех, что были предложены Л. Фуллером или Дж. Разом³. Несмотря на то что эти списки в первую очередь сосредоточены на качествах, которыми должна обладать правовая система, они основаны на предположениях, касающихся отношений между правовой системой и ее адресатами (Taekema, 2021). Например, история Л. Фуллера о попытке Рекса регулировать поведение людей полностью основана на их способности подчиняться нормам права, а Дж. Раз утверждал, что право прежде всего должно быть «способным направлять своих субъектов» (Raz, 1979:213). Тем не менее, необходимо отметить очень слабую связь между методологией создания индексов и популярными научными концепциями верховенства права. Именно поэтому показатели, измеряющие разные аспекты верховенства права, зачастую плохо коррелируют между собой и с контекстуальными переменными (Haggard, Macintyre & Tiede, 2008).

К примеру, глобальный индекс верховенства права WJP — это попытка сбалансировать формальное и сущностное понимания верховенства права, чтобы индекс

¹ Аналитики Банка в большей степени опирались на исследования 1990-х гг., предполагавшие, что «правовое происхождение» нации (особенно её связь с английским общим правом) определяет экономический рост и иностранные инвестиции. На практике же последующие инвестиции Всемирного банка концентрировались на пересмотре экономического регулирования. Это часто означало снижение регуляторной нагрузки на бизнес и расширение частных рынков. В середине 1990-х гг. Банк начал требовать от стран-должников реформировать правила отбора судей, отдавая предпочтение меритократическому назначению, кодексам судейской этики и финансовой автономии судов.

² На характеристики индикаторов влияют доступность данных, ресурсы создателей, а также стремление избежать или спровоцировать полемику, так как мотивация создания таких индексов носит не только экономический, но и политический характер.

³ Сущностные же концепции, затрагивающие как содержание правовых норм, так и социо-культурный контекст правопорядка, вводят более широкий спектр требований, направленных на различие между «плохими» и «хорошими» законами. Естественно, такой подход будет уводить исследования дальше в лоно изучения разного рода социологических предпосылок (в третье поколение исследований).

можно было применять в различных социальных и политических системах (Gutiérrez et al., 2020). По заверениям сотрудников WJP, подразумевалось, что с таким подходом индекс будет учитывать разнообразие правовых традиций и культур, избегая западного этноцентризма (Dougherty, Gryskiewicz & Ponce, 2018). Так, индекс опирается на два типа опросов в качестве источников данных для оценки:

1) опрос населения (General Population Poll) проводится через национальные репрезентативные опросы, которые включают 127 вопросов, основанных на восприятии, и 213 вопросов, основанных на личном опыте, чтобы оценить представления обычных граждан. Анкеты переводятся на местные языки и проводятся национальными polling-компаниями в каждой стране каждые несколько лет на репрезентативной выборке в 1000 респондентов;

2) опрос квалифицированных респондентов (Qualified Respondents' Questionnaire) проводится ежегодно среди местных практиков и экспертов (юристов, ученых), которые часто взаимодействуют с государственными институтами. Анкета содержит закрытые вопросы о восприятии и гипотетические сценарии, призванные дополнить данные опроса населения. Анкетирование проводится на шести языках, в котором в среднем участвуют 26 экспертов в каждой стране.

Профессор юридического факультета Университета Лос-Андеса (Венесуэла) Рене Уруэнья считает, что индекс верховенства права WJP можно рассматривать как технологию глобального управления. Р. Уруэнья утверждает, что подобные индикаторы – не просто неолиберальные инструменты, а устойчивые элементы ландшафта права и развития. Они формируют «сообщество практикующих специалистов», задающих нормативные критерии оценки соблюдения верховенства права и создающих пространства для дискуссий и выработки политики. Анализ Р. Уруэнья представляет Индекс WJP как палку о двух концах: он упрощает сложные правовые идеалы до данных, но и демократизирует дискурс, позволяя требовать транснациональной подотчётности (Urueña, 2015). Следуя этой логике, сила индекса верховенства права выражается не в нейтральности, а в способности переопределять то, как общества осмысливают или оспаривают верховенство права.

Однако представители WJP, описывая трудности, с которыми столкнулись при разработке показателей для оценки верховенства права, отметили, что процесс начинается с глубокой теории, с определения концептуальной основы измерения, так как эта основа в последующем определит выбор методологии проведения исследования. На этом этапе у них возникли две ключевые проблемы: установление концептуальной глубины измеряемого объекта и разработка определения, адекватно отражающего его многомерную природу⁴. Дело в том, что определение «глубины» дефиниции, в конечном счёте, является ценностным выбором исследователя, тогда как уровень многомерности чаще выступает практической задачей, обусловленной требуемой степенью детализации измерений.

⁴ Камило Гутьеррес работал во Всемирном проекте по правосудию (WJP) с 2016 до начала 2019 года, курируя анализ данных для Индекса верховенства права. До прихода в WJP занимал должности профессора и научного сотрудника в Университете Анд (Богота, Колумбия). Джозел Мартинес — директор по взаимодействию с партнёрами WJP. До работы в проекте занимался правоприменением антидискриминационного законодательства в Комиссии по борьбе с дискриминацией штата Массачусетс, специализируясь на работе с малоимущими сообществами. Алехандро Понсе — доктор экономических наук (Стэнфорд), главный научный сотрудник WJP, — один из создателей Индекса верховенства права. До прихода в проект работал исследователем в Йельском университете, экономистом в Всемирном банке и Комиссии по банковскому делу и ценным бумагам Мексики. Лесли Солис присоединилась к WJP в 2016 году после пяти лет работы аналитиком по уголовному правосудию в аналитическом центре México Evalúa (Мехико).

Ключевой методологической проблемой многих индексов является их сильная зависимость от мнений экспертов, зачастую зависящих от СМИ и стереотипов (например, такой подход может быть выражен в занижении оценок России из-за политического контекста). Как показано в обзорной работе профессора Орхусского университета (Дания) Свенд-Эрика Скаанинга, посвященной инструментам количественной оценки верховенства права, практически все они либо полностью полагаются на результаты опросов юристов-экспертов, либо придают им существенно больший вес в общей агрегации данных (Skaaning, 2009:454). Профессор Университета Вирджинии Мила Верстиг и профессор Чикагского университета Том Гинзбург пришли к выводу, что несмотря на, казалось бы, разные концептуальные подходы, индексы WGI, Heritage и WJP чрезвычайно сильно коррелируют ($r > 0.95$)⁵. Хотя Индекс верховенства права WJP — единственное исследование, которое также включает мнение населения, оценки последнего «в конечном итоге оказывают незначительное влияние на общий индекс» (Versteeg & Ginsburg, 2017:120). На основании этого Верстиг и Гинзбург заключают, что «стратегия измерения [делающая больший акцент на мнениях экспертов, чем на общественном мнении], а не концептуализация, по-видимому, является доминирующим фактором, определяющим показатели верховенства права» (Versteeg & Ginsburg, 2017:125).

Действительно, общее сходство индикаторов верховенства права объясняется не их концептуальной точностью, а методологическими ограничениями: зависимостью от экспертных восприятий, использованием одних и тех же источников и процедур агрегации (Versteeg & Ginsburg, 2017). Это ставит под сомнение их валидность как инструментов измерения верховенства права в строгом смысле. Неслучайно руководство WJP предостерегало от использования индексов в качестве готовых ответов, а не инструментов анализа, отмечая, что их ценность может проявить себя только в сочетании с качественными исследованиями. Они служат косвенными заместителями (*proxy*), требующими контекстуальной интерпретации. Так, к примеру, количество убийств на душу населения отражает не только уровень преступности, но и качество здравоохранения⁶. Другими словами, индекс WJP предлагает стандартизированную рамку для сравнения стран, но его данные требуют учёта контекстных ограничений (Botero & Ponce, 2011).

Другая проблема связана с эндогенностью и ненадёжностью данных. Индикаторы правового развития оказывают существенное влияние на восприятие стран донорами, инвесторами и СМИ, распределение ресурсов в виде помощи или инвестиций и стимулирование политических реформ (Davis, 2014). С одной стороны, это влияние часто объясняется простотой, доступностью и отсутствием альтернатив таким рейтингам, с другой — важность количественного показателя для принятия решений увеличивает стимул для его манипуляции. Этот своего рода «закон Кэмпбелла» порождает логичный итог: инструменты, созданные для укрепления верховенства права, сами провоцируют подрывающее его стратегическое поведение (Campbell, 1979). На практике же это приводит к симуляции реформ, где правительства создают «карманные» суды или принимают точечные законы, улучшая

⁵ Freedom House отличается по уровню корреляции от остальных индексов, но не намного ($r = 0,79 - 0,83$).

⁶ Хуан Карлос Ботеро на момент публикации — директор Всемирного проекта правосудия (World Justice Project, WJP). Роберт Нельсон — профессор социологии и права в Северо-Западном университете (США), директор Американского фонда правовых исследований. Кристин Пратт — специалист по исследовательским методам в World Justice Project. См.: (Botero, Nelson & Pratt, 2011).

формальные показатели. Страны со «средним» рейтингом могут демонстрировать разрыв между формальными институтами и реальными практиками, маскируя отсутствие подлинного прогресса (Reátegui & Albujar, 2020).

Безусловно, агрегирование информации снижает погрешность, однако лишь при условии независимости источников, что на практике часто не соблюдается. Например, опросы систематически искажены: страны со слабыми институтами склонны завышать самооценки, тогда как развитые – занижать. Именно поэтому профессор Принстонского университета Ким Лейн Шеппели и её коллега из Оксфорда Калипсо Николаидис критикуют современные методы оценки верховенства права через чек-листы и индикаторы. Указывая на современные так называемые «нелиберальные демократии» (*illiberal democracy*), они подчеркивают, что такие подходы часто упускают ключевой аспект — взаимодействие между элементами правовой системы, которое может превратить внешне законные механизмы в инструменты авторитаризма (Scheppelle, 2013).

Ряд ученых использовали данные Всемирного проекта правосудия (WJP) для разработки собственных методологических подходов к изучению верховенства права. Так, П. Гаудер, например, использовал этот проект для создания альтернативной методики количественных исследований в этой области. Он критикует существующие метрики, основанные на многомерной конструкции, называя их «странной составной идеей, включающей в себя набор факторов, которые примерно отслеживают мешанину идей, более или менее традиционно связываемых с верховенством права» (Gowder, 2016:179). В противоположность этому, он рассматривает верховенство права как «одномерное понятие», используя данные WJP для проверки «работоспособности» своей собственной шкалы.

Доцент кафедры конституционного права Карлова университета Филип Хорак и научный сотрудник в области социологии права Карлова университета Давид Лацко считают, что индекс WJP измеряет *де-юре* параметры (наличие законов), но игнорирует *де-факто* реализацию (Horák & Lacko, 2023). В отличие от П. Гаудера, Ф. Хорак и Д. Лацко используют элементы проекта WJP для разработки более комплексного подхода. Следуя призыву С. Таэкемы (Taekema, 2021) к совмещению различных методологических подходов, они объединяют три разных «измерения» верховенства права: концептуализацию в теориях верховенства права (Bedner, 2018), инструменты количественной оценки проекта WJP и «эмпирически измеримый конструкт правового сознания» (Horák & Lacko, 2023:192). В результате получается детализированный список пунктов опроса, который можно использовать для эмпирического измерения «реального уровня верховенства права среди различных групп населения» (Horák & Lacko, 2023:213).

Эмпирическое исследование экономических и институциональных детерминантов верховенства права на глобальной выборке из 103 стран (1970–2015 гг.) с использованием методов машинного обучения были проведены польскими учеными (Lewkowicz, Byler & Litwiniuk, 2021). Однако данная работа также проводилась не на основе первичных данных⁷, поэтому несмотря на использования инновационного метода для этой сферы, результаты сопоставимы с результатами других подобных исследований.

⁷ В исследовании использовалась общедоступная база данных «Varieties of Democracy», содержащая переменные, характеризующие качество демократии в глобальном масштабе, а также данные «World Uncertainty Index» – индикатор измерения неопределенности, основанный на текстовом анализе (text mining) страновых отчетов Economist Intelligence Unit.

Так как большинство индикаторов остаются своего рода «снимком» на момент измерения, игнорирующим устойчивость правовых институтов, группой ученых из Университета Иллинойса была разработана новая концептуальная основа и измеримые индикаторы для исследования верховенства права в динамике. По их мнению, существующие индикаторы смешивают ядро верховенства права (инструментальные/процедурные аспекты), средства его реализации (ресурсы судов), предполагаемые результаты (законопослушность, отсутствие насилия) и нормативные ценности (права человека). В ответ на это они предложили различать два ключевых понятия «правовой порядок» (*legal order*), выражающий инструментальные, процедурные и формальные аспекты верховенства права и «правовой режим» (*legal regime*), представленный нормативными ценностями и целями, встроенными в правовой порядок (напр., либеральные права человека, социалистическое равенство, исламские принципы), т.е. если правовой порядок говорит о том как право работает, то правовой режим – о том, какие ценности продвигает система. Такое разделение позволяет четче определить предмет измерения и избежать концептуальной путаницы. Индикаторы уже были использованы для анализа связи правовых институтов с экономическим ростом и гражданскими беспорядками после климатических катастроф, показав свою полезность (Nardulli, Peyton & Bajjalieh, 2013).

Профессор Университета Ричмонда Сандра Джойреман критикует основные популярные индексы, потому что они не измеряют, по её мнению, самое важное для стабильного развития институтов и экономического роста – предсказуемость права (Joireman, 2004:64). В этой связи профессор Университета штата Джорджия Райан Карлин предлагает вместо создания линейного индекса применять иерархический агломеративный кластерный анализ. Таким образом можно рассматривать верховенство права в виде набора различных конфигураций (профилей). По мнению Р. Карлина, страны могут демонстрировать сильные стороны в одной области (например, стабильность) и оставаться крайне слабыми в другой (например, права человека или независимость судов) (Carlin, 2010). Предполагается, что такой подход дает более тонкий инструмент для исследования, который позволяет изучать не только «уровень» верховенства права, но и его тип⁸. Его исследование также продемонстрировало, что между демократией, богатством и верховенством права нет простой линейной связи⁹.

⁸ Анализ Райана Карлина выявил пять устойчивых кластеров, которые он называет «типами» верховенства права: Полное верховенство права (Full Rule of Law): высокие показатели по всем измерениям. Примеры: большинство стран ОЭСР, некоторые постсоциалистические государства (Чехия, Польша). Неполное верховенство права (Incomplete Rule of Law): Хорошие показатели по институциональному и социальному измерениям, но серьезные проблемы с равенством в позитивных правах (дискриминация). Примеры: Южная Корея, Бразилия, ЮАР, Кувейт. Мирное отсутствие верховенства права (Peaceful Unrule of Law): Относительный мир в обществе, но крайне слабые институты (подконтрольная судебная система) и массовые нарушения прав граждан. Примеры: Китай, Мексика 1990-х, многие страны Африки. Нестабильное беззаконие (Unstable Lawlessness): очень слабые институты, нарушения прав, а также наличие незначительных вооруженных конфликтов. Редкий и нестабильный тип. Примеры: некоторые страны СНГ (Грузия, Кыргызстан) и Африки (Чад) в отдельные годы. Полное отсутствие верховенства права (Violent Unrule of Law): Наихудший тип. Открытые вооруженные конфликты (войны), на фоне которых рушатся все остальные аспекты верховенства права. Примеры: Алжир, Перу, Шри-Ланка, Руанда 1990-х.

⁹ Например, «неполное верховенство права» может существовать как в богатых авторитарных обществах, так и в бедных демократиях.

В конечном счете, критика использования косвенных показателей, насыщенных ошибками измерений, чрезмерной сосредоточенности на правовых нормах, имеющих отношение к бизнесу, а также растущие методологические проблемы охладили первоначальный энтузиазм в отношении этого типа эмпирических исследований. Некритическое использование индексов создаёт риск подмены реальных изменений их симуляцией (Reátegui & Albuja, 2020), а преодоление этой проблемы потребовало разработки более совершенных и устойчивых к манипуляциям методов оценки, которые фокусируются не на «улучшении цифр», а на измерении глубинных институциональных изменений.

Одновременно с этим, кажутся небеспочвенными призывы отказаться от глобальных рейтингов в пользу отраслевых замеров (Ginsburg, 2018). Так, к примеру, Т. Гинзбург предлагает сфокусироваться на институтах и измерять их конкретные выражения (независимость судов, исполнение контрактов и т.д.) вместо абстрактного «верховенство права», а также анализировать последовательные изменения в одной стране (напр., реформы судебной системы Грузии 2004–2012 гг.), так как такой подход надежнее кросснациональных рейтингов. Также он говорит о том, что нужно сконцентрироваться на использовании объективных метрик (число судебных исков против государства, сроки рассмотрения дел).

Третье поколение: правосознание и этнография как выход из тупика

Нельзя не согласиться с утверждением о том, что в силу различий во времени и месте понимание феномена «верховенства права» культурно обусловлено (Hadfield & Weingast, 2014). Профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и активный критик индексомании Рэндалл Пиренбум утверждает, что игнорирование культурного контекста превращает верховенство права в инструмент неокOLONIALИЗМА, который препятствует диалогу между правовыми традициями – реальному пути к эффективным реформам (Peerenboom, 2003). С ним соглашается Марк Хертог, считая евроцентричность основной проблемой социологических исследований в этой области (Hertogh, 2016). Действительно, индексы, как правило, отражают западные стандарты, маргинализируя модели верховенства права в странах Азии или исламского права.

Одновременно с этим стало очевидно, что индексы редуцируют сложные явления к упрощенным метрикам, зависящим от субъективных восприятий, а инструменты эмпирического измерения должны естественным образом фокусироваться на общей популяции (т.е. на адресатах) при измерении уровня верховенства права, а не на мнении экспертов (Hertogh, 2016). Подобный подход мог бы также решить и трудности оценки «неоднозначных» правовых норм и скрытого характера многих практик, так как проблема социологических исследований проявляется не столько в грубых нарушениях (которые легко измерить), сколько в систематических отклонениях, злоупотреблениях, неравном применении закона, которые трудно уловить стандартными метриками индексов.

Поэтому вслед за растущим интересом к мнениям широкой публики и этнографии возникло третье поколение эмпирических исследований верховенства права. Эти исследования анализируют верховенство права «снизу» (Buyse et al., 2021), фокусируясь на «субъективных измерениях права» (Holzer, 2013:873) и «разрыве между целями и предпосылками правовой системы и реальностью, переживаемой и желаемой [гражданами]» (Polzer, 2007:22).

Отходя от количественных исследований, растущее число исследований третьего поколения можно охарактеризовать как новые формы «этнографии верховенства права» (Cheesman, 2018), основанные на качественных методах исследования, таких как наблюдения и полуструктурированные интервью. Для облегчения «измерения» верховенства права третье поколение исследований сконцентрировалось на междисциплинарной детерминанте, основанной на эмпирической методологии. Справедливее всего, было отталкиваться от общества, от того, как обычные люди понимают право в своей повседневной жизни. Поэтому логично было сделать такой междисциплинарной детерминантой термин «правосознание». В отличие от предыдущих поколений, этот тип исследования не заиклен на заранее заданном определении верховенства права и не фокусируется на фиксированном наборе показателей. Вместо этого создается своего рода открытая модель верховенства права, в центре которой вопрос: что сами люди считают наиболее желательными отношениями между личностью, обществом и государством? Каковы их нормативные представления о справедливости, власти и подотчетности? Другими словами, подобные исследования не рассматривают различные конфликтующие представлений о верховенстве права как «неудобства, которые необходимо устранить» (Cheesman, 2018:170). Напротив, эти различные взгляды являются «возможностями глубже понять, как идеи и деятельность, вероятно подпадающие под категорию верховенство права, формируются в ходе борьбы за смыслы» (Cheesman, 2018:170).

В некоторой степени примером «переходного» типа исследований является работа профессора Университета Хьюстона Джеймса Гибсона и профессора Университета Огайо Грегори Калдейры (Gibson & Caldeira, 1996), посвященная изучению европейских правовых культур. Всё ещё характерное для второго поколения, их исследование основано на массовых опросах во всех государствах-членах Европейского Союза. Однако в отличие от большинства предыдущих исследований (и что более типично для исследований третьего поколения), они явно фокусируются на правосознании людей. Их исследование изучает популярные мнения о различных аспектах права: отношение к верховенству права, восприятие нейтральности закона и относительную ценность, придаваемую индивидуальной свободе.

Если говорить о качественных исследованиях, то к систематическим ошибкам в кросс-культурных сравнениях, как правило относят проблему интерпретации людьми из разных культур смысла одного и того же вопроса, а также различную культурную значимость измеряемого конструкта, так как сам конструкт может иметь разное значение или проявляться по-разному в разных культурах (Lacko et al., 2022). Поэтому ключевой вывод, к которому пришло третье поколение исследований, сложился вокруг тезиса о том, что представления людей о праве часто сильно отличаются от установленных норм и конкурируют с другими системами ценностей. Однако результаты исследований о социальных ценностях почти всегда неоднозначны и утверждения о безусловной приверженности тем или иным из них следует интерпретировать с большой долей скепсиса.

Профессор Университета штата Аризона Стефани Линдквист, критикуя Рональда А. Касса (Cass, 2001:214), считает, что в современных исследованиях о верховенстве права аргументы опираются на труды самих судей и теоретиков, а не на системные поведенческие данные (например, исследования мотивов судей или влияния институционального контекста). Рассуждая о верховенстве права Касс игнорирует работы, изучающие, почему судьи следуют праву (например, труды Ларри Баума о целях судей или Мелинды Ганн Холл – о роли выборов) (Lindquist, 2003).

По мнению Хертога, необходим сдвиг от оценки соответствия эталонам к изучению «социальных определений» права, а также фокус на гражданах как пользователях права, а не на чиновниках или институтах. В рамках методологических изменений он предлагает отдать приоритет качественным этнографическим исследованиям вместо индексов и рейтингов (Hertogh, 2016). В этом с ним соглашается Пол Берджесс, считающий, что для исследования верховенства права необходим эмпирический, контекстуальный, выстроенный «снизу вверх» подход. Он призывает «идти в поле», наблюдать и разговаривать с людьми, чтобы выявить реально действующие правила и практики.

Заключение

В настоящее время социология права столкнулась с несколькими вызовами. Первый из них связан с проблемой нейтральности и объективности исследований верховенства права. В этом плане, пожалуй, необходимо сочетать личную вовлеченность с готовностью быть опровергнутым фактами. Ещё одна проблема связана с определением верховенства права в социологических исследованиях, так как необходимо изучать не только то, как люди следуют праву, но и как они сами его определяют. Третья проблема связана с отсутствием теоретических изысканий при огромном количестве накопленного эмпирического материала.

Очевидно, что для создания более эффективной модели исследования, где ключевым индикатором становится способность права ограничивать произвол в конкретных социополитических контекстах, необходимо объединить теоретические наработки, количественные исследования в оценке эффективности правовых институтов (статистика по судебным решениям, коррупции, доступности правосудия) и качественные исследования восприятия права гражданами, включая доверие к институтам и готовность соблюдать законы (глубинные интервью для анализа правового сознания). На завершающем этапе нужна перекрестная проверка результатов через разные источники.

Безусловно, использование индексов верховенства права в качестве объективной аналитики, которая была бы применима ко всем странам, независимо от политико-правовых культур или идеологии, было бы значительным шагом в сторону понимания мировых тенденций в праве. Для этого нужен некий новаторский мост между теорией и эмпирикой. Поэтому изучение правовых индикаторов следует рассматривать как единую исследовательскую область, требующую междисциплинарного подхода. Мировой кризис верховенства права нельзя решить только политико-правовыми мерами. Чтобы понять эту тенденцию, необходимо развивать последовательную социальную науку о верховенстве права, которая интегрировала бы все три подхода (сопоставление, измерение и понимание).

References / Список литературы

- Abel, R. (1973) Law books and books about law. *Stanford Law Review*. 26, 188.
 Abel, R. (1980) Redirecting social studies of law. *Law & Society Review*. 14 (3), 805–829.
 Albiston, C.R. & Sandefur, R.L. (2013) Expanding the empirical study of access to justice. *Wisconsin Law Review*. (1), 101–120.
 Bedner, A. (2018) The promise of a thick view. In: May, C. & Winchester, A. (eds.) *Handbook on the Rule of Law*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 34–47. <https://doi.org/10.4337/9781786432445.00008>

- Botero, J.C., Nelson, R.L., & Pratt, C.S. (2011) Indices and Indicators of Justice, Governance, and the Rule of Law: An Overview. *Hague Journal on the Rule of Law*. 3 (2), 153–169. <https://doi.org/10.1017/S1876404511200010> EDN: ZRYLPA.
- Botero, J. & Ponce, A. (2011) Measuring the rule of law. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1966257>
- Buyse, A., Fortin, K., McGonigle Leyh, B. & Fraser, J. (2021) The rule of law from below – a concept under development. *Utrecht Law Review*. 17 (2), 1–7. <https://doi.org/10.36633/ulr.771> EDN: KVG BHU.
- Campbell, D.T. (1979) Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and Program Planning*. 2 (1), 67–90.
- Carlin, R.E. (2010) Rule of law profiles in contemporary polities. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1669493>
- Carothers, T. (2003) The problem of knowledge. In: Carothers, T. (ed.) *Promoting the Rule of Law Abroad: In Search of Knowledge*. Washington, DC, Carnegie Endowment for International Peace Publ., pp. 15–28.
- Cass, R.A. (2001) *The Rule of Law in America*. Baltimore, Johns Hopkins University Press.
- Cheesman, N. (2018) Rule-of-law ethnography. *Annual Review of Law and Social Science*. 14, 167–184. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-101317-030900>
- Davis, K.E. (2014) Legal indicators: The power of quantitative measures of law. *Annual Review of Law and Social Science*. 10, 37–52. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-110413-030857>
- Deflem, M. (2002) *Policing World Society: Historical Foundations of International Police Cooperation*. Oxford, Oxford University Press.
- Dougherty, A., Gryskiewicz, A. & Ponce, A. (2018) Measuring the rule of law: The World Justice Project's Rule of Law Index. In: Malito, D., Umbach, G. & Bhuta, N. (eds.) *The Palgrave Handbook of Indicators in Global Governance*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 255–276. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62707-6_11
- Eyre, D.P. & Suchman, M.C. (1996) Status, norms, and the proliferation of conventional weapons: An institutional theory approach. In: Katzenstein, P.J. (ed.) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York, Columbia University Press, pp. 79–113.
- Feeley, M. (1976) The concept of laws in social science: A critique and notes on an expanded view. *Law & Society Review*. 10, 497–523.
- Galanter, M. (1974) Why the haves come out ahead: Speculations on the limits of legal change. *Law & Society Review*. 9 (1), 95–160.
- Gibson, J.L. & Caldeira, G.A. (1996) The legal cultures of Europe. *Law & Society Review*. 30 (1), 55–86.
- Ginsburg, T. (2018) Difficulties with measuring the rule of law. In: May, C. & Winchester, A. (eds.) *Handbook on the Rule of Law*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 48–56. <https://doi.org/10.4337/9781786432445.00009>
- Gowder, P. (2016) *The Rule of Law in the Real World*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Gutiérrez, C., Martínez, J., Ponce, A. & Solís, L. (2020) Measuring the rule of law in Mexico. In: Le Clercq, J. & Abreu Sacramento, J. (eds.) *Rebuilding the State Institutions*. Cham, Springer, pp. 57–77. https://doi.org/10.1007/978-3-030-31314-2_4
- Hadfield, G.K. & Weingast, B.R. (2014) Microfoundations of the rule of law. *Annual Review of Political Science*. 17, 21–42. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-100711-135226>
- Haggard, S., Macintyre, A.J. & Tiede, L.B. (2008) The rule of law and economic development. *Annual Review of Political Science*. 11, 205–234. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.081205.100244>
- Halliday, T.C. & Carruthers, B.G. (2007) The recursivity of law: Global norm making and national lawmaking in the globalization of corporate insolvency regimes. *American Journal of Sociology*. 112 (4), 1135–1202.
- Hertogh, M. (2016) Your rule of law is not mine: Rethinking empirical approaches to EU rule of law promotion. *Asia Europe Journal*. 14, 43–59. <https://doi.org/10.1007/s10308-015-0434-x> EDN: TCQDXK.

- Hertogh, M. (2024) Empirical approaches to the rule of law: Contours and challenges of a social science that does not quite yet exist. *Annual Review of Law and Social Science*. 20, 35–51. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-041822-044308> EDN: JUJECX.
- Hironaka, A. (2009) *Neverending Wars: The International Community, Weak States, and the Perpetuation of Civil War*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Holzer, E. (2013) What happens to law in a refugee camp? *Law & Society Review*. 47 (4), 837–866. <https://doi.org/10.1111/lasr.12041>
- Horák, F. & Lacko, D. (2023) Triangulation of theoretical and empirical conceptualizations related to the rule of law. *Hague Journal on the Rule of Law*. 15, 191–216. <https://doi.org/10.1007/s40803-022-00181-x> EDN: KIMOIP.
- Jakab, A. & Kirchmair, L. (2024) The rule of law in numbers: How to use indices to measure adherence by the Member States and the EU itself. In: Wouters, J. et al. (eds.) *Upholding the Rule of Law in the EU*. Oxford, Oxford University Press. (Forthcoming).
- Jensen, E.G. & Heller, T.C. (eds.) (2003) *Beyond Common Knowledge: Empirical Approaches to the Rule of Law*. Stanford, CA, Stanford University Press.
- Jepperson, R.L., Wendt, A. & Katzenstein, P.J. (1996) Norms, identity, and culture in national security. In: Katzenstein, P.J. (ed.) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York, Columbia University Press, pp. 33–75.
- Joireman, S.F. (2004) Colonization and the rule of law: Comparing the effectiveness of common law and civil law countries. *Constitutional Political Economy*. 15 (4), 315–338. <https://doi.org/10.1007/s10602-004-7766-7> EDN: VDKMXA.
- Kim, Y.S., Jang, Y.S. & Hwang, H. (2002) Structural expansion and the cost of global isomorphism: A cross-national study of ministerial structure, 1950–1990. *International Sociology*. 17 (4), 481–503. EDN: JMVVWT.
- Knack, S. (2001) Aid dependence and the quality of governance: Cross-country empirical tests. *Southern Economic Journal*. 68 (2), 310–329. <https://doi.org/10.2307/1061596> EDN: DSNQSJ.
- Lacko, D. et al. (2022) The necessity of testing measurement invariance in cross-cultural research: Potential bias in cross-cultural comparisons with individualism–collectivism self-report scales. *Cross-Cultural Research*. 56 (2-3), 228–267. <https://doi.org/10.1177/10693971211068971> EDN: NJLKEP.
- Lewkowicz, J., Byler, J. & Litwiniuk, P. (2021) Economic and institutional determinants of the rule of law: A new empirical exploration. *Studia Iuridica*. 88, 237–254. <https://doi.org/10.31338/2544-3135.si.2021-88.12> EDN: KMRGGU.
- Lindquist, S.A. (2003) Review of *The Rule of Law in America* by Ronald A. Cass. *The Journal of Politics*. 65 (2), 615–617. https://doi.org/10.1111/1468-2508.00652_16
- Méndez Reátegui, R. & Sumar Albuja, O. (2020) Rule of law versus soft rule of law. *Revista de Derecho Político*. 1 (109), 373–400. <https://doi.org/10.5944/rdp.109.2020.29065> EDN: FYOWYG.
- Nardulli, P.F., Peyton, B. & Bajjalieh, J.W. (2013) Conceptualizing and measuring rule of law constructs, 1850–2010. *Journal of Law and Courts*. 1 (1), 139–192. <https://doi.org/10.1086/668543>
- Peerenboom, R. (2003) Varieties of rule of law: an introduction and provisional conclusion. In: Peerenboom, R. (ed.) *Asian Discourses of Rule of Law*. London, Routledge, pp. 1–53. <https://doi.org/10.2139/ssrn.445821>
- Polzer, T. (2007) Adapting to changing legal frameworks: Mozambican refugees in South Africa. *International Journal of Refugee Law*. 19 (1), 22–50. <https://doi.org/10.1093/ijrl/eem001> EDN: IYBCJZ.
- Rajan, R. & Subramanian, A. (2007) Does aid affect governance? *American Economic Review*. 97 (2), 322–327.
- Raz, J. (1979) The rule of law and its virtue. *The Authority of Law*. Oxford, Clarendon Press.
- Rhode, D.L. (2004) *Access to Justice*. Oxford, Oxford University Press.

- Sandefur, R.L. (2021) Access to justice. In: Talesh, S., Mertz, E. & Klug, H. (eds.) *Research Handbook on Modern Legal Realism*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., pp. 324–335.
- Scheppele, K.L. (2013) The rule of law and the Frankenstate: Why governance checklists do not work. *Governance*. 26 (4), 559–562. <https://doi.org/10.1111/gove.12049>
- Shor, E. (2017) The spatial diffusion of counterterrorist legislation, 1970–2011. *Social Problems*. 64 (1), 106–132. <https://doi.org/10.1093/socpro/spw028>
- Skaaning, S.-E. (2010) Measuring the rule of law. *Political Research Quarterly*. 63 (2), 449–460. <https://doi.org/10.1177/1065912909346745>
- Suchman, M.C. & Eyre, D.P. (1992) Military procurement as rational myth: Notes on the social construction of weapons proliferation. *Sociological Forum*. 7 (1), 137–161. EDN: DIMVOT.
- Swiss, L. (2011) Security sector reform and development assistance: Explaining the diffusion of policy priorities among donor agencies. *Qualitative Sociology*. 34 (2), 371–393. <https://doi.org/10.1007/s11133-011-9194-0>
- Taekema, S. (2021) Methodologies of rule of law research: Why legal philosophy needs empirical and doctrinal scholarship. *Law and Philosophy*. 40, 33–66. <https://doi.org/10.1007/s10982-020-09388-1> EDN: RHMHVS.
- Urueña, R. (2015) Indicators and the law: A case study of the Rule of Law Index. In: Merry, S., Davis, K. & Kingsbury, B. (eds.) *The Quiet Power of Indicators*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 75–102. <https://doi.org/10.1007/9781139871532.003>
- Versteeg, M. & Ginsburg, T. (2017) Measuring the rule of law: A comparison of indicators. *Law & Social Inquiry*. 42 (1), 100–137. <https://doi.org/10.1111/lsi.12175>
- Wang, H., Wang, Zh., Chen, J., Chen, J., Guan, N. & Li, G. (2019) Development of rule of law index for state land and resources in China. *Land Use Policy*. 81, 276–290. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2018.10.053>
- Young, A.T. & Sheehan, K.M. (2014) Foreign aid, institutional quality, and growth. *European Journal of Political Economy*. 36, 195–208. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2014.08.003>

Сведения об авторе:

Алалыев Руслан Мурадович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности, факультет комплексной безопасности ТЭК, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина; Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 65, стр. 1

ORCID: 0000-0002-0334-6862; SPIN-код: 4109-5931

e-mail: allalyev-rm@rudn.ru

About the author:

Ruslan M. Allalyev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public and International Legal Support for National Security, Faculty of Fuel and Energy Complex Integrated Security, Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I.M. Gubkin; 65, Building 1, Leninsky Prospect, Moscow, 119991, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0334-6862; SPIN-code: 4109-5931

e-mail: allalyev-rm@rudn.ru